

Всероссийская олимпиада школьников по литературе
Муниципальный этап
11 класс
Аналитическое задание

Из двух предлагаемых для анализа текстов необходимо выбрать один: эпический или лирический.

Выполните целостный анализ отрывка из романа Дениса Гуцко «Русскоговорящий» (глава «Камаржоба»). Размышляя над произведением, попытайтесь ответить, среди прочих, на следующие вопросы.

1. Как автор решает проблему соотношения «своего» и «чужого»?
2. Как изображаются отношения бабушки и внука?
3. Каковы особенности хронотопа (художественного времени и пространства в их единстве)?
4. Какие детали использует автор для изображения быта и нравов?
5. Какова роль воспоминаний о войне в этом тексте?
6. Как строятся диалоги?

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Д. Гуцко

Русскоговорящий
Камаржоба

Он помнит: в первый раз он испытал это, когда бабушка взяла его на базар — таскать авоськи. Она так и объявила, вручая их (пустые они были похожи на цветные вымпелы): «Ты уже взрослый».

Оказалось, *взросление*, приход которого (с фанфарами и гимнами) ждал совсем с другой стороны — штука совсем простая, прозаическая. Что-то бытовое. Утилитарное. Как, например, авоська. Карауль, шпионь за собой, сражайся с наседающим гормоном, читай в открытую запретные ещё вчера книги, пей вместе со всеми шампанское на Новый год, скреби бритвой подбородок, — важнее окажется сущая с виду мелочь, натуральная ерунда, оброненное мимоходом: «Ты уже взрослый», — и пять кило картошки, принесённой тобой с базара. Вот так. И после этой картошки они перестают чиркать карандашом по дверному косяку, прислонив тебя плотно, пятками и лопатками, а потом, оттолкнув легонько затылок, кричать: «Ого, да как ты вымахал!»

...Самая работа наступала летом. Каждое воскресенье его новым взрослым делом стало переть килограммы недельного рациона до трамвая и от трамвая вверх по улице Клдиашвили до дому. Но перед этим — пробовать из аккуратно насыпанных пирамидок вишню, черешню, алычу, шелковицу, называемую на грузинский манер «тутá». Персики давали пробовать по ломтику, абрикосы по половинкам. Бабушка сначала обходила весь рынок, всюду приценилась, и Митя изнывал и пробовать отказывался ввиду явного пресыщения. Но Екатерина Степановна была верна методу.

— Рамдэни? — спрашивала она, карикатурно коверкая грузинский — мол, почём?

И всем было смешно, и Мите тоже. — Бабуль, да спрашивай ты по-русски, — говорил он, — ты ж всё равно неправильно произносишь.

— А как надо? — она щурилась и смотрела куда-то поверх его головы, готовая выслушать, как — правильно.

Митя произносил по слогам, она кивала, но тут же над приглянувшейся ей горкой антоновских яблок звучало её звонкое, со среднерусскими нотками:

— Рамдэни?

Продавцы отвечали — по-грузински, естественно, но с явным сомнением: поймёт ли?

Однако счёт Екатерина Степановна знает. Точности ради переводит про себя на русский, но никогда не ошибается. Всё, чему выучилась за сорок лет в Тбилиси: счёт да пара-другая

слов, слепленных из привычных ей, приблизительно подходящих звуков. Из того, что оказывалось под рукой. Так лепят, бывает, из подручного материала мебель, макеты и миры. (Кустарный подход, основоположник которого лепил, говорят, из глины).

Что он для неё, ладно ли подходит сердцу кустарный мир? (Значит, и люди могут вот так — из глины?) Сорок лет...

Последний год, проведённый вдали от дома, Митя часто сравнивает: кладёт на чаши весов её сорок лет и свой год. Терпеливо возится с этим гордиевым узлом. Её вчерашняя чужбина — его родной дом. Год назад открытая им Россия — её вчерашняя Родина. Но вот что: бывает ли Родина вчерашней? А сама бабушка — чувствует ли она себя **дома** в Грузии?

Как она училась здесь жить? Как приучала Большой Город? Как это бывает вообще? Жить заново. Это — как выздоравливать? С слипшимися волосами и непривычной пустотой в лёгких смотреть в потолок, разгораться медленно, по искорке в день... Или *заново* — это как нескончаемый карнавал? Всё привычное оставлено за чертой, время разворачивается ярким конфетти... Но так или иначе, а чужбину, наверное, нелегко сделать Родиной. Чужое неудобно, несъедобно, странно и неправильно. У чужого народа язык узловатый, занозистый. Коряв чужой народ. У незнакомых улиц диковатая глазу геометрия. Неуютны они, струится по их венам тоска. Как всё подгоняется и шлифуется? Как сходится в верной точке? Чем это лечится? Труд творения, потная как ломовая лошадь душа. И всё-таки чужой народ говорит тебе: «Здравствуй». А незнакомые улицы — камень и шум — обретают голоса и лица. Теперь, проходя здесь, каждый раз смотришь на потрескавшуюся штукатурку, на старые морщинистые стены и пыльных кариатид... а там за углом — булочная с великанским кренделем в витрине и крохотная русская церковь, белеющая за чугунными завитушками.

...Она шла привычной дорогой по Клдиашвили и, лёгкая на улыбку, здоровалась со знакомыми.

— Перестань меня позорить! Ба, ну неужели трудно сказать не «камаржоба», а «га-мар-джо-ба»? Хотя бы так.

— Хорошо, Мить... «га-мар-ды-жо-оо-ба!»

Она шурилась, кивала — поняла, поняла — и продолжала здороваться неправильно и почти непристойно. Её грузинский язык был шаржем на грузинский язык. Слушать его без улыбки было невозможно.

— Вай мэ, — вздыхала она в трамвае, вытирая пот под седыми завитушками чёлки — рогор жарко!

«Как жарко», стало быть. Всего лишь «как жарко!». И вокруг глотали улыбки, хихикали в воротник. «Рогор жарко» — или, по той же схеме: «Пури (хлеб, значит) свежий?»

Екатерина Степановна приехала в Тбилиси в сорок шестом. «Сорок шестой» — будто «другая планета». Молодой, ещё дымящийся мир. В детстве Митя мог слушать о нём снова и снова. Иной раз специально, с изощрённой детской хитростью, он разжигал в ней воспоминания.

Они садились у окна, возле горшка с алоэ, и бабушка рассказывала ему о том, как она не могла сойти с поезда: под самой подножкой стоял выучный осёл. Как она пыталась прогнать его, шикала и стучала каблуком и, наконец, крикнула на весь перрон: «Товарищи, чей осёл?»

— И прибежал дядька с петухом под мышкой? — торопил рассказ Митя.

— Да.

— И помог тебе слезть?

— Да. А твоя мама испугалась и расплакалась.

С тех самых пор, как они сживали у окна возле алоэ, Митя хранит эти картинки живыми и полноцветными. Он знает, видит совсем близко, что будет после: женщина успокоит дочку, подберёт свой потёртый фанерный чемодан, и они пойдут в крикливой толпе, не спрашивая дороги.

— А почему не спрашивала?

— Зачем? Твой дед всё подро-бно расписал.

Глядя в тёплые бабушкины глаза, он научился видеть, как идёт по перрону та женщина в синем платье — с фанерным чемоданом, с осколком где-то слева в рёбрах, ноющим перед дождём, и трёхлетней дочерью, даже во сне не выпускающей её руку. (Родила-то в тылу, а

вынашивала под бомбёжками.) Так и ходили вдвоём. Мамину руку Светочка соглашалась променять только на кусочек сладкого, и для того, чтобы сбежать в туалет или искупаться, нужно было иметь при себе горсть рафинада.

Она знала, что приехала сюда навсегда — и волновалась. Боялась так, как не боялась на передовой. Люди говорили на непонятном — как кипящая в чайнике вода — языке. Жестикулировали так, что казалось — ругаются, сейчас подерутся. Но нет, не дрались, просто беседовали.

«Давай жить в Тбилиси. У меня там работа, жильё, друзья. Там хорошо, сама увидишь. Солнечно». Так, кажется, писал ей дедушка. Писал откуда-то из Болгарии, уже по пути назад, на бумаге с водяными знаками: против света появляются силуэты домов и деревьев. Вот если бы сохранилось то письмо... каково, интересно, было бы держать его в руках? (Очертания земли, на которой никогда не был, от которой всегда уплываешь, весточка с Атлантиды.)

Увы. Мало что хранили те послевоенные люди, привычные к утратам, но ещё не научившиеся жить впрок. Оставалось положиться на проверенное средство, на освоенную по книжкам алхимию воображения. Чуть-чуть остропалых листьев, собранных по дороге со школы, чуть-чуть вокзального шума, кусок от того самого платья... И рассказанное воспоминание перельётся в твою собственную память. Станет твоим. Выйдет из небытия весело, как выходят в весеннее утро из рывком распахнутых дверей.

...Она шла по улице, усаженной чинарами. Тбилиси зеленел и золотился. Редкие машины тархтели издалека и проносились мимо так быстро, будто вырывались из-под обстрела — и распугивали скачущих по дороге воробьёв. Мтацминда нежилась под жаркой синевой. И ещё не зная названия этой горы, она улыбочиво смотрела на неё, на её траву, соседствующую с небом. Повторяла заученное:

1. Под чинарами до конца, потом вверх по мостовой, до первого перекрёстка и направо, в тупике кованые ворота.

2. Найти в соседнем дворе *Ко-те Хин-цак-ти* (фух, хоть по слогам, но вызубрила) — найти этого самого Коте, мужнина друга, забрать у него ключ, который тот хранит с сорок первого.

3. Устроиться в Ваниной комнатке и ждать его демобилизации.

Перебирая в голове пункт за пунктом, она шла медленно, приноравливаясь к мелким Светочкиным шагам, и всё поглядывала на праздничную гору над ломаной линией крыш. Гора ей нравилась. Света цепко держалась за руку, но не капризничала, послушно топала рядом. Больше не пугалась ни внезапных машин, ни выкриков уличных торговцев. Шумели-шептались деревья, шумели паровозы на вокзале, шумели, казалось, и многооконные стены домов.

Митя любит вслушиваться в этот шёпот... Хорошо, что у него есть хотя бы это — рассказанное, а потом раскрашенное им самим. (Химера странная, но милая, редкая очаровашка в семье химер.)

— Ба, а давай с тобой пойдём как ты тогда шла, в первый раз, ну с вокзала.

— Опять?

Она не любила этих его фантазий: «Идём лучше через парк, я тебя на качели покачаю».

— Ба, а правда, что ты Кристина?

Но ни ребёнком, ни юношей Митя не мог совместить солнечный её облик с её настоящим именем. Пробовал: К р и с т и н а — нет, нет... В имени этом жил какой-то холодок, строгость, было оно как осеннее море и скрип мокрых камней на берегу. Оно ей не подходило. А ненастоящее, случайное имя Катя ложилось точно. Имя Катя — Екатерина, Катюша — обволакивало и обнимало, притягивало, как внесённая с жары корзина яблок.

Повзрослев, вспоминая бабушкины рассказы, Митя удивлялся: как не одолела её война? не притушила солнца в глазах? Войны ей выпало много. Она говорила, глядя поверх его головы, а Митя смотрел на неё, и ему казалось — обернётся и увидит капельки дождя на шинели хромого впереди лейтенанта... лицо? нет, так ни разу и не обернулся... он легко ранен в голень, его убьёт позже шальным осколком, а второй достанется ей.

Катя-Кристина... Она попадала в самую смертную гущу. Их медпоезд разбомбили, и хаос отступления, мешая военных и гражданских, танки, грузовики, телеги, голодных младенцев, надсадно орущих командиров, — хаос отступления понёс её вместе со всеми, прочь

от гудящих за спиной взрывов. Дальше, дальше, дальше. Шли и шли, шли и шли страшными раздрипанными колонами. День и ночь, без дорог, по чёрным горелым полям и плотному разнотравью. И когда им командовали: «Стой! Ночлег», — падали там, где остановились, и засыпали ещё налету.

Однажды посреди ночи стали ходить с фонариками по рядам и выкрикивать: «Медики! Есть здесь медики?» Ей страшно не хотелось отзываться. Казалось невозможным оторвать себя от земли, когда на это есть выбор: молчи, спи дальше. Но она поднялась.

— Иди в строй.

Почти бегом под звуки близкого миномётного обстрела их погнали к силуэтам дальнего подворья. В доме с заклеенными газетой окнами, за столом возле прикрученной керосинки сидела женщина-капитан и переписывала у всех документы.

— Клюкина К, — прочитала капитанша — «Ка» это что, Катя?

А Клюкина К. почему-то (может быть, с недосыпу) кивнула: «Да». И к букве «К» неровно, чернилами другого цвета, было дописано: «К а т е р и н а».

— В авиаполк!

Далеко, на том недостижимом берегу, женщина-капитан, не очень грамотная, усталая, в нервном свете керосинки распределяющая подразделения, а заодно имена и судьбы. Если бы схлынул дым, зависли на минутку летящие к земле мины, перестало бы тикать упрямое время, чтобы он смог войти в ту комнату и, встав в общий ряд, дожидаться, когда капитанша назовёт его... Ведь не было бы его, Мити, если б медсестра Клюкина была направлена в другую часть. Залезла бы в другой грузовик, и он повёз бы её в другую сторону — цепочка рождений и жизней сплелась бы совсем иначе.

Но она залезла в правильный грузовик.

В авиаполку, полном героев во главе с неким Поддубным, о котором только и шушукались в перевязочных, она и встретила Ваню. Да так и не смогла отвертеться.

Сбежала бы, всё равно бы сбежала.

— Знаешь, Митенька, скучный он был. Попрошусь, думаю, в другую часть, не расстреляют же за это.

— Я тебе попрошусь!

— А что, Митенька? Не пойму.

— А я?!

— Не пойму.

— Ну, сбежала бы от деда — мамы не было бы, так? И меня, значит, не было бы.

— Извини, об этом не подумала.

Денис Николаевич Гуцко (1969, Тбилиси) — российский писатель. Окончил геолого-географический факультет Ростовского государственного университета (ныне ЮФУ). Лауреат премии «Русский Букер» 2005 г. за роман «Без пути – следа», позднее включенного в дилогию «Русскоговорящий». Живет в г. Ростове-на-Дону.

Выполните целостный анализ стихотворения А.А. Вознесенского «Параболическая баллада». Анализируя стихотворение, попытайтесь ответить, среди прочих, на представленные ниже вопросы.

1. Как вы понимаете название стихотворения?
2. Насколько точно жанровое определение «баллада»?
3. Какова, с Вашей точки зрения, главная метафора стихотворения?
4. Что дает противопоставление параболы и прямой?
5. Какие еще противопоставления важны?
6. Какова функция использованной автором параллели искусство – любовь?

Параболическая баллада

Судьба, как ракета, летит по параболе
Обычно—во мраке и реже—по радуге.

Жил огненно-рыжий художник Гоген,
Богема, а в прошлом—торговый агент.
Чтоб в Лувр королевский попасть

из Монмартра,

Он

дал

кругаля через Яву с Суматрой!
Унесся, забыв сумасшествие денег,
Кудахтанье жен, духоту академий.
Он преодолел

тяготенье земное.

Жрецы гоготали за кружкой пивною:
«Прямая — короче, парабола — круче,
Не лучше ль скопировать райские кущи?»

А он уносился ракетой ревущей

Сквозь ветер, срывающий фалды и уши.
И в Лувр он попал не сквозь главный порог —
Параболой

гневно

пробив потолок!

Идут к своим правдам, по-разному храбро,
Червяк — через щель, человек — по параболе.

Жила-была девочка рядом в квартале.
Мы с нею учились, зачеты сдавали.
Куда ж я уехал!
И черт меня нес
Меж грузных тбилисских двусмысленных звезд!

Прости мне дурацкую эту параболу.
Простывшие плечики в черном парадном...
О, как ты звенела во мраке Вселенной
Упруго и прямо — как прутик антенны!
А я все лечу,
приземляясь по ним —
Земным и озябшим твоим позывным.
Как трудно дается нам эта парабола!..

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,
Несутся искусство,
любовь
и история —
По параболической траектории!

В сибирской весне утопают калоши

А может быть, все же прямая — короче?

1959

Андрей Андреевич Вознесенский (1933 – 2010) – советский и российский поэт. Лауреат Государственной премии. Принадлежал поколению «шестидесятников». Один из самых крупных русских поэтов второй половина XX века.

Творческое задание

В последние годы с развитием новых технологий изменились наши литературные вкусы, круг чтения, жанровые предпочтения.

Задание 1. В форме словарной/энциклопедической статьи для будущего словаря литературоведческих терминов представьте характеристику двух-трех новых жанров, которые, по Вашему мнению, скоро должны появиться.

Объем ответа 150-200 слов.

Задание 2. Создайте отрывок из еще не написанного произведения в одном из охарактеризованных Вами жанров. Укажите его жанровые черты (примеры черпайте из сочиненного Вами отрывка).

Объем ответа 150-200 слов.